

ВОЗРАСТАЮЩАЯ ТРУДНОСТЬ ЖИТЬ ВМЕСТЕ...*

Так как я родился в первые годы XX века и до его окончания был одним из свидетелей его событий, меня часто просят высказать мое мнение о нем. Было бы неприличным делать себя судьей трагических событий, обозначивших его. Право на это принадлежит тем, кто прожил их и испытал на себе их жестокость, тогда как череда удач мне покровительствовала. То, о чем идет речь, всего лишь сильно нарушило течение моей карьеры.

Этнология, о которой можно спросить себя, является ли она изначально наукой или искусством (или, может быть, и тем, и другим одновременно), погружает свои корни частично в древнюю эпоху и частично в иную, совсем недавнюю. Когда люди конца Средневековья и эпохи Возрождения открыли греко-романскую античность и когда иезуиты сделали из греческого и латинского языков основу их учения, не практиковали ли они первую форму этнологии? Признано, что никакая цивилизация не может думать сама о себе, если не располагает знаниями о каких-то других цивилизациях, чтобы служить пределом сравнения. Возрождение нашло в античной литературе средство осмыслить свою собственную культуру с точки зрения перспективы, противопоставляя современные ему концепции концепциям других времен и других мест.

Единственное различие между классической и этнографической культурой восходит к размерам известного мира в соответствующих им эпохах. В начале Возрождения человеческий мир ограничен пределами средиземноморского бассейна, о существовании всего остального только догадывались. В XVIII и XIX веках область человеческого расширяется с развитием географических открытий. Китай, Индия вписываются в картину мира. Наша университетская терминология, которая обозначает их изучение под именем неклассической филологии, признает в силу своей неспособности создания оригинального термина то, что речь идет о том же гуманистическом движении, всего лишь распространяющемся на новой территории. Интересуясь последними, еще непризнанными цивилизациями, а именно обществами, называемыми примитивными, этнология заставила прибегнуть к гуманизму третьего этапа.

Способы познания этнологии являются одновременно более внешними и более внутренними, чем у предшественников. Чтобы проникнуть в общества с частично затрудненным доступом, она вынуждена помещать себя предельно извне (антропология физическая, предыстория и технология), а также предельно внутри, посредством идентификации этнолога с группой, существование и чрезвычайную важность которой он разделяет и это привязывает его к малейшим нюансам физической жизни аборигенов.

Всегда находясь как в поле традиционного гуманизма, так и за его пределами, этнология преодолевает его во всех смыслах. Ее предметное поле охватывает всеобщность обитаемой земли, в то время как ее метод соединяет подходы, которые обнаруживают все формы знания: науки гуманитарные и науки естественные.

Но рождение этнологии связано также с размышлениями более поздними, имеющими другой порядок. Так, в течение XVIII века Запад приобрел убеждение, что расширение его цивилизации было неотвратимым и что она угрожала существованию тысяч обществ менее известных и хрупких, языки, верования, искусства и институты которых были, тем не менее, незаменимыми свидетельствами богатства и разнообразия человеческих творений. И если мы надеемся узнать однажды, что такое человек, для этого важно собрать, пока еще есть время, все те культурные реальности, которые ничем не обязаны влияниям Запада и обязательствам по отношению к нему. Работа столь сложная, поскольку бесписьменные общества не предоставили ни написанных документов, ни, в большей части, значимых культурных памятников.

Однако, перед тем как приступить к осуществлению работы, необходимо учесть, что все, на что она направлена, находится на пути к исчезновению или, по меньшей мере, глубоко изменено. Малые народы, которых мы называли аборигенами, сейчас получают внимание Организации Объединенных Наций. Приглашенные в качестве равных на международные

совещания, они обретают осознание себя как одних из многих. Американские индейцы, маори Новой Зеландии, австралийские аборигены обнаруживают, что они прошли похожие судьбы и имеют общие интересы. Коллективное сознание освобождается за пределами особенностей, которые придавали каждой культуре ее специфику. В то же время каждая из них проникается методами, техниками и ценностями Запада. Без сомнения, эта стандартизация никогда не станет всеобщей. Однажды проявятся другие отличия, создавая новый материал для этнического исследования. Но в человечестве, ставшем солидарным, эти отличия выступят проявлениями другой природы. Они будут уже не внешними по отношению к западной цивилизации, но внутренними по отношению к ее смешанным формам, распространенным по всей Земле.

В то время, когда я родился, мировое население насчитывало полтора миллиарда человек. Когда я входил в активную жизнь, около 1930го года, это количество выросло до двух миллиардов. Сегодня это шесть миллиардов и через несколько десятилетий, по предположениям демографов, эта цифра достигнет девяти миллиардов. Специалисты говорят нам, что эта последняя цифра зафиксирует высшую точку, затем численность населения будет падать и так быстро, добавляют некоторые, что через несколько веков появится угроза вымирания нашего вида. В любом случае эта угроза попытается опустошить многообразие не только культурное, но и биологическое, заставляя исчезать множество видов животных и растений.

Без сомнения, человек - автор этих исчезновений, но их следствия оборачиваются против него. Вероятно, среди современных драм нет ни одной, которая не находила бы свое прямое или косвенное происхождение в растущей трудности совместного проживания, неосознанно ощущаемого человечеством, терзаемым демографическим взрывом. Оно (и таковы мучные черви, которые травятся на расстоянии друг от друга в мешке, который их надежно запирает, даже раньше, чем им начнет недоставать пищи) начнет ненавидеть самое себя, потому что секретная преднаука уведомляет его, что оно становится слишком многочисленным, чтобы каждый из его членов мог свободно пользоваться такими основными благами, как свободное пространство, чистая вода и незагрязненный воздух.

Таким образом, единственный шанс, предлагаемый человечеству, вероятно, состоит в том, чтобы признать, что то, что оно стало своей собственной жертвой, ставит его в равные условия со всеми другими формами жизни, которые оно употребило и продолжает употреблять вплоть до их разрушения.

Но, если человек изначально владеет правами в качестве живого существа, из этого следует, что эти права, признанные человечеством как видом, встречают их естественные границы в правах других видов. Права человечества прекращаются в момент, когда его деятельность ставит под угрозу существование других видов.

Право на жизнь и свободное развитие живых видов, еще представленных на Земле, одно оно может быть незыблемым по очень простой причине: исчезновение какого-либо вида углубляет невосполнимую пустоту на нашей «лестнице жизни», в системе мироздания.

Только этот единственный способ рассмотрения человека и мог бы снискать одобрение всех цивилизаций. Нашей, прежде всего, так как концепция, набросок которой я только что сделал, была таковой и у римских юрисконсультов, проникнутых стоическими влияниями, определявшими естественный закон, как общность главных отношений, установленных природой между всеми живыми существами для их общего сохранения. Таковы и великие цивилизации Востока и Дальнего Востока, вдохновленные индуизмом и буддизмом, таковы, наконец, народы, называемые «недоразвитыми» и даже самые униженные среди них, общества без письменности, которые и изучают этнологи.

В соответствие со своими мудрыми обычаями, которые мы напрасно отнесли бы к разряду суеверий, они ограничивают употребление человеком других живых видов в пищу и налагают на него необходимость морального уважения, основанного на очень строгих правилах, обеспечивающих его сохранение. Какими бы разными ни были эти общества в сравнении друг с другом, они совпадают в том, что формируют человека как часть мироздания, но не как его хозяина.

Таков опыт, каковой этнология восприняла от них, желая при этом, чтобы в момент соединения наций в единый концерт, эти общества сохранили его в целостности, и этот опыт может вдохновлять нас.

Notes :

* В мае 2005 г. Клод Леви-Стросс получил престижную Национальную премию Каталонии, которая присуждается выдающимся деятелям искусств. Это послужило причиной высказать свои мысли о роли этнологии, человеке и мире, затрагивающие важнейшие проблемы современности. «Возрастающая трудность жить вместе...» - один из последних по времени текстов Мастера, впервые публикуемый на русском языке.

Source: «*le Nouvel Observateur*» le 9 juin 2005.

Перевод с французского и комментарий *Н.Ефремова*